Также было установлено, что как только горничным исполнится семнадцать лет, они должны вернуться домой прислуживать родителям и им больше нельзя входить в Резиденцию префекта. Что же касается предложений руки и сердца от различных знатных семей, то их раз за разом вежливо отклоняли.

Хотя девушкам и разрешили войти в Резиденцию префекта, Сунь Цэ и Чжоу Юй установили в своих жилых покоях правило: убираться и наводить порядок разрешено только пожилым служанкам, а приближаться к комнатам после часа собаки запрещалось — там выставляли усиленную стражу, и нарушителей немедленно отправляли домой. Впрочем, юные служанки считали, что даже если им издалека удастся хоть мельком взглянуть на Сунь Цэ и Чжоу Юя во время подметания дворов или стирки, этого уже будет более чем достаточно. К тому же они прекрасно понимали: раз те отказали столь влиятельным домам, то тем более не обратят внимания на девушек из простых семей.

И надо сказать, стоило ввести такие правила, как среди горожан не осталось ни единого недовольного, а внутри Резиденции префекта воцарился полный порядок. В канун Нового года Сунь Цэ пригласил всех военачальников с их жёнами и наложницами на грандиозный пир в поместье. Глядя на то, как по Резиденции префекта с подносами полными яств снуют множество изящных и прелестных девушек, командиры пришли в восторг.

Военачальники привели с собой жён и наложниц, веселье и радость царили повсюду, и лишь один Чжоу Юй пил в одиночестве. Обойдя гостей и пообщавшись со всеми, Сунь Цэ взглянул на Чжоу Юй и внутренне усмехнулся: сейчас они оба остались одиноки, что выглядело несколько не в унисон с общей атмосферой. Держа в руке бокал с виноградным вином, Сунь Цэ сошел по ступеням к Чжоу Юю и с улыбкой произвел:

— Одинокий Чжоу-лан тоскует за чашей хмельной, лишь завидуя ветвям переплетенным.

Чжоу Юй бросил на него затуманенный пьяным взором взгляд феникса, приподнял бокал и с лёгким хмельком в голосе ответил:

— Ветреный Сунь-лан повсюду сеет страсть, зачем безучастен к всеобщему пиру?

Сунь Цэ громко рассмеялся, собираясь уже что-то ответить, как вдруг, снова, снова и снова откуда ни возьмись выскочил Хань Дань. Лицо Сунь Цэ мгновенно помрачнело, в душе он едва не выругался последними словами, а Чжоу Юй лишь приложил руку ко лбу, не зная, что и сказать.

Едва подбежав, Хань Дань вклинился прямо между ними, закинув левую руку на плечо Сунь Цэ, а правую — на плечо Чжоу Юя. От него разило спиртным, и его то и делоди передергивало от икоты:

— Повелитель, мой повелитель! Хань Дань принёс подарки для вас и главнокомандующего.

С этими словами его супруга подошла с двумя изящными шкатулками в руках, опустилась на колени перед ними и раскрыла одну из них. Внутри вспыхнул такой яркий свет, казалось, заточённый там долгие годы и наконец вырвавшийся на свободу. Сунь Цэ и Чжоу Юй тут же

оказались зачарованы содержимым, опустились на колени и подались вперед, чтобы рассмотреть получше: внутри лежала сияющая ночная жемчужина размером с кулак.

Хань Дань самодовольно заявил:

— Это приданое моей матушки, всего их было два. Матушка говорит, что раз мы пользуемся милостью повелителя, отблагодарить нас нечем, а в доме есть лишь эти две жемчужины, так что одну я преподношу повелителю, а другую — главнокомандующему.

Сунь Цэ подумал про себя: «А ведь я действительно вовсю балую этого Хань Даня». Чжоу Юй же размышлял о другом: «Кто же осмелится принять столь ценную вещь? Мы же не выдаем замуж дочь». В этот момент Хань Дань заметил нерешительность Чжоу Юя и поспешно добавил:

— Главнокомандующий, не сомневайтесь! Дань предан клану Сунь, и главнокомандующий тоже предан клану Сунь. Мы все братья, к чему эти церемонии!

Видя, что Чжоу Юй всё еще колеблется, Сунь Цэ единым движением забрал обе шкатулки и с улыбкой обратился к Хань Даню:

— Братец Игун всегда был моей опорой. Эй, подать ответные дары!

Главнокомандующий пьет в Цветочных кварталах.

Две служанки вынесли приготовленные Сунь Цэ заранее два больших ящика с золотом и передали их жене Хань Даня. Когда Хань Дань удалился, один за другим потянулись другие военачальники, принося парные дары — один предназначался Сунь Цэ, другой Чжоу Юю. Подарки в основном состояли из изделий из нефрита и оружия, но Лу Су преподнес нечто особенное — пару нефритовых уток-мандаринок.

Чжоу Юй недоумевал: с какой стати этим старикам дарить ему подарки, да еще столь же ценные, что и Сунь Цэ? Вечером, когда Сунь Цэ провожал гостей, а слуги убирали остатки праздничного пиршества, Чжоу Юй приказал Чжоу Ханю взять все подарки и следовать за ним в комнату Сунь Цэ.

Чжоу Хань был не слишком доволен и, сердито ворча, втащил добро в комнату, с грохотом швырнув вещи на стол. Заметив это, Чжоу Юй отчитал его:

— Посмотри на себя, вечно ты ведешь себя как деревенщина, ничего слаще редьки не видавший.

Чжоу Хань пробормотал под нос:

— Но ведь всё это дарили молодому господину, с какой стати отдавать всё повелителю?

Чжоу Юй пояснил:

— Все эти старые военачальники преподносят дары повелителю из уважения к покойному господину. На словах они говорят, что дарят мне, но я с ними близко не знаком, к тому же занимаю слишком низкое положение по выслуге лет и происхождению — по какому праву я смею это принимать? Если повелитель не изволил пожаловать это мне, значит, оно мне не принадлежит.

Чжоу Хань всё еще упрямо дулся:

— Молодой господин мог бы оставить себе хотя бы что-нибудь.

Чжоу Юй снова принялся его наставлять:

— В качестве ответных даров используется золото повелителя. У тебя найдется что-то ценное, чтобы сделать ответный подарок?

Услышав это, Чжоу Хань признал правоту хозяина и покорно пробормотал:

— Слуга понял свою ошибку.

Когда вещи перенесли, Чжоу Юй уже собирался уходить, но Чжоу Хань неожиданно толкнул его в спину, заталкивая в комнату, и со смешком бросил:

— Слуге лучше выйти одному!

Увидев, что Чжоу Хань запирает дверь снаружи, Чжоу Юй покраснел от досады и разъяренно закричал:

— Ах ты негодный слуга! Вот выйду — ноги тебе переломаю!

Вернувшись в свои покои и обнаружив, что дверь заперта, Сунь Цэ сперва опешил, не понимая, что это значит. Но стоило ему открыть ее и бросить взгляд на столик, за которым сидел Чжоу Юй и выводил что-то кистью, как всё стало очевидно: его верный и любимый слуга снова решил над ним подшутить и запер их двоих взаперти.

Чжоу Юй, даже не оборачиваясь, понял, что Сунь Цэ вернулся. Когда тот подошел ближе, стало видно, что Чжоу Юй рисует пейзаж. Картина отличалась невероятной глубиной настроения при предельно простой композиции — выражаясь словами поэтов будущих эпох, это были всего лишь маленькие мостики, текущие воды и дома у речки.

Сунь Цэ шагнул вперед, желая получше разглядеть полотно, но внезапно наступил на что-то круглое, поскользнулся и рухнул на пол. На секунду им овладело раздражение: у него же есть слуга, почему никто в комнате не убирает? Опустив голову, он заметил золотой кубок. Сунь Цэ поднялся, поднял кубок, нахмурился и огляделся по сторонам — только теперь он заметил, что вся его комната завалена горами роскошных подарков, и свободным остался лишь пятачок пола перед столом.

Чжоу Юй обернулся и виновато пояснил:

— Здесь и мои подарки тоже.

Сунь Цэ отложил кубок в сторону и спросил:

— Раз уж их подарили тебе, почему ты не убрал их к себе, а приволок сюда?

Чжоу Юй слегка улыбнулся:

— Еще бы, чужим добром да в долг перед Буддой.

Сунь Цэ догадался, что Чжоу Юю неловко принимать такие богатые дары от военачальников, с которыми он еще недостаточно близок, и решил его утешить:

— Ничего, со временем начнем работать вместе и постепенно сойдемся поближе.

Затем Сунь Цэ вытащил из запазухи одну из ночных жемчужин и продолжил:

— Но вот эту ты должен взять. Хань Дань говорил, что изначально она была цельной, но мастер разделил ее на две. Ты ведь сам утверждал, что мы — две жемчужины Цзяндуна: раз есть нефрит, должна быть и жемчужина.

Лицо Чжоу Юя чуть порозовело, и он принял подарок.

— Ну до чего же хорошо, только спать мне теперь негде, — поддразнил его Сунь Цэ.

Заметив, что Сунь Цэ с ухмылкой направляется к его постели, Чжоу Юй испуганно кинулся следом и окликнул его:

— Ты… ты что удумал?

Сунь Цэ с абсолютно невозмутимым видом ответил:

— Спать, разумеется. А что еще тут делать?

Чжоу Юй лишился дар речи, а Сунь Цэ тем временем раскидал на полу дополнительный матрас, поднял взгляд и с лукавой улыбкой произвел:

— Так пойдет?

Чжоу Юй потерял бдительность, решив, что Сунь Цэ собирается спать на полу отдельно.

Но не успел он и слова сказать, как Сунь Цэ сам запрыгнул на кровать, залился смехом и ткнул пальцем вниз:

— А ты спи там.

После чего преспокойно улегся спать. Чжоу Юй замер на месте, переваривая увиденное секунд с десяток, а затем мысленно взвыл: «Бесстыдник!»

Рано утром Чжоу Юй проснулся и обнаружил, что Сунь Цэ уже нет. Умывшись, он отправился в кабинет разбирать военные донесения. К тому моменту, как он закончил, уже приближалось время ужина. Разминая затекшие плечи, Чжоу Юй вышел из кабинета, собираясь перекусить, и вдруг увидел, что Сунь Цэ в главном зале слушает музыку. Перед помотом на коленях стояли пять артисток — все с весьма приятной внешностью.

Они играли на пяти разных инструментах: пипе, гуцине, поперечной флейте, эрху и вертикальной сяо, исполняя известную в Цзяндуне мелодию. Во время игры девушки то и дело украдкой поглядывали на Сунь Цэ. Тот же, сохраняя привычный развязный вид, развалился в кресле, держа в руке винный бокал, и смотрел на них сверху вниз со слегка изогнутыми в усмешке губами.

У Чжоу Юя тревожно ёкнуло сердце, но, подумав, он решил, что Сунь Цэ не настолько легкомыслен. Однако, приглядевшись, он заметил, что Сунь Цэ и сам пожирает девушек взглядом, одаривая каждую оценивающим сканированием, словно выбирая товар.

Чжоу Юй сжал кулаки так, что побелели костяшки, крепко стиснул зубы, а затем медленно разжал руки и с бесстрастным выражением лица развернулся и ушел. Когда он удалился на значительное расстояние, Сунь Цэ всё еще продолжал слушать музыкантш, совершенно не подозревая о том, что произошло.

Вскоре к Сунь Цэ подошел Лу Су, огляделся по сторонам и спросил:

— Повелитель, Цзыцзин нигде не может отыскать Гунцзиня. В такой час его нет и в покоях.

Сунь Цэ тут же вскочил на ноги и нахмурился:

— Опять пропал?

Лу Су понизил голос:

— Слуги шепчутся, будто он отправился пить вино в Цветущие кварталы.

Услышав это, Сунь Цэ мгновенно подскочил, стремительным шагом выбежал во двор, вывел из конюшни коня и вскочил в седло. Сорвавшись с места подобно молнии, он пронесся вихрем. Подметавшие дворцовую площадь слуги и стражники едва успели зажмуриться от поднятой бури. Стражник А шепнул стражнику Б:

— Кажется, это только что был повелитель…

Б ответил:

— М-м… вроде бы не главнокомандующий…

А возразил:

— Но… главнокомандующий ведь тоже только что умчался точно так же!

Б подумал и выдал:

— Они что… устроили скачки на скорость?

Башня Любования Весной — самый знаменитый бордель во всём Лияне, выстроенный в виде многоярусной пагоды. Первый этаж напоминал обычную таверну с просторным танцполом в центре, вокруг которого росли этажи: на втором этаже услаждали слух сладкоголосые певицы и музыкантши, а с выходивших наружу балконов доносились голоса играющих в шахматы и пьющих вино гостей; на третьем танцевали стройные танцовщицы, а четвертый и пятый этажи преддавались любовным утехам.

Сунь Цэ впервые в жизни переступил порог подобного заведения. Отец всегда учил его, что здесь царит скверна и смрад, что женщины эти неблагородны, а истинный герой не станет ступать в такие места. Сунь Цэ никак не ожидал, что Чжоу Юй окажется здесь. На сердце тяжело скребли кошки, и он с нарастающей тревогой и осторожностью двинулся внутрь.

Едва он переступил порог, в нос ударил тяжелый запах дешевых благовоний и пудры, смешанный с винными парами, заполнившими весь зал. Сунь Цэ поморщился, на мгновение задумавшись, не повернуть ли назад, но тут ему навстречу выпорхнули две легко одетые, густо накрашенные девицы и с обеих сторон обступили его.

Одна из них с улыбкой прощебетала:

— Какой незнакомый молодой господин! Вы у нас впервые?

Вторая подхватила:

— Наш господин так элегантен и с первого же взгляда никого конкретно не позвал — сразу видно, что заглянул сюда впервые.

Сунь Цэ не горел желанием общаться с ними. Окинув взглядом помещение и не обнаружив Чжоу Юя ни на втором, ни на третьем этажах, он инстинктивно собрался подняться наверх.

Девицы тут же серией вопросов последовали за ним:

— Кого из сестриц ищет молодой господин? Если у вас нет здесь знакомых, мы поможем выбрать!

Сунь Цэ остановился, обернулся и произвел:

— Я ищу господина Чжоу Гунцзиня. Он здесь?

Девицы переглянулись, на мгновение замявшись. Сунь Цэ достал слиток золота и швырнул его

на пол. Окружающие тут же жадно устремили на золото взгляды, а обе девицы, начисто позабыв о манерах, рухнули на колени и принялись толкаться и царапаться в борьбе за монету, едва не затеяв драку. Сунь Цэ холодно бросил:

— А теперь скажите, где Чжоу Гунцзинь.

На ходу продолжая цепляться друг за друга, они залепетали:

— Ой… да господин Гунцзинь на втором этаже, на балконе, четвертая дверь налево, ищите сами!

Получив деньги, они тут же забыли о необходимости хранить тайну от миллионов девичьих сердец по всему городу.

Сунь Цэ нашел это зрелище омерзительным. Медленно поднявшись на второй этаж и повернув налево, он спустя пару шагов увидел Чжоу Юя. Тот стоял лицом к открытому балкону и, как ни в чем не бывало, перебирал струны гуциня. Легкий вероучительный ветерок трепал его черные волосы, и эта картина была столь прекрасна, что от нее захватывало дух.

Сунь Цэ уже хотел было подойти и заговорить с ним, как вдруг вокруг Чжоу Юя возникли четверо молоденьких девиц. Они вились вокруг него, заискивающе заглядывали в лицо и пытались привлечь внимание: двое тянули за руки, умоляя бросить цинь и обратить на них взор, а еще две — одна с кувшином вина, другая с тарелкой фруктов — норовили накормить и напоить его. Сам же Чжоу Юй хранил молчание и оставался глух к их стараниям.

Как ни изощрялись четыре девицы, им так и не удалось заставить Чжоу Юй даже взглянуть на них. Сунь Цэ снова собрался сделать шаг вперед, но тут из толпы выступила грациозная девица в одном лишь ярко-красном нагруднике и наброшенной поверх полупрозрачной алой вуали. Опередив остальных, она подошла со спины к Чжоу Юю и капризным голосом бросила тем четырем:

— Ступайте, обслужите других гостей.

Девицы выглядели разочарованными, но ослушаться эту женщину не смели — послушно и чинно удалились. Женщина в красном приблизилась к Чжоу Юю, который продолжал музицировать. Внезапно она сбросила вуаль, накинула ее сверху на голову Чжоу Юю, полностью закрыв ему глаза, легким пинком ноги оттолкнула цинь, оседлала его колени лицом к нему и только после того, как легкая ткань опустилась на пол, Чжоу Юй смог как следует разглядеть женщину перед собой.

От исходивших от нее духов у Чжоу Юя чуть не закружилась голова. Женщина не была вульгарной, но ее взгляд проникал прямо в душу: в уголки глаз были искусно врисованы кроваво-красные хвосты феникса, а на лбу красовался алый цветок Саньшэн. Если сама женщина не вызывала у Чжоу Юя никакой реакции, то вот Сунь Цэ при виде этих маневров чуть сдвинул рукоять меча, приоткрывая лезвие в ножнах.

Девица положила руки на плечи Чжоу Юю, медленно приближаясь к его губам, но Чжоу Юй

слегка откинулся назад, сохраняя дистанцию, и холодно произвел:

— Барышня так любит красный цвет?

Женщина опешила — с таким подходом она еще не сталкивалась. За годы работы в подобных местах ей не доводилось видеть мужчин, которые отказывались бы от подплывающей в руки добычи. Улыбнувшись, она ответила:

— Разумеется… А разве молодому господину не нравится?

Чжоу Юй презрительно усмехнулся:

— Разумеется, нравится.

Услышав это, девица кокетливо рассмеялась, но не успела она умолкнуть, как Сунь Цэ со злостью подскочил к ним, грубо стащил женщину с колен Чжоу Юя и процедил:

— Господин Чжоу, рассадники разврата — не место для таких, как вы.

Чжоу Юй инстинктивно сжал пальцами рукава. Тем временем Сунь Цэ приобнял всё еще не пришедшую в себя испуганную девицу и заявил ей:

— Я жалую тебе тысячу лянов золота, если сегодня ночью услужишь мне. Как тебе такое?

С этими словами он достал из кармана слиток золота и протянул его женщине.

Столь резкий поворот событий лишил девицу способности рассуждать здраво: охваченная диким восторгом, она схватила золото и мгновенно сменила испуг на угодливую улыбку:

— Молодой господин изволит говорить всерьез?

Сунь Цэ улыбнулся:

— Слово благородного мужа крепче четырех коней.

Ничего не понимающая девица перевола взгляд на мрачного как туча Чжоу Юя, наклонила голову и спросила Сунь Цэ:

— Выходит, уважаемые господа знакомы?

Чжоу Юй хранил молчание, а Сунь Цэ с ухмылкой подхватил:

— Я — старший кузен господина Чжоу, и на мне лежит долг увести его подальше от здешней грязи, чтобы этот омут тлена и пьянства не растлил его душу. Просто он с детства норовит отнять у меня всё подряд — даже такую очаровательную и прекрасную женщину попытался увести. Хорошо хоть я вовремя подсуетился, а то остался бы в дураках!

Женщина захихикала:

— У этого молодого господина язык прямо медом намазан.

Чжоу Юй холодно бросил:

— Скорее, ядом курака.

Не поняв смысла сказанного, женщина лишь улыбнулась, а Сунь Цэ со злорадной усмешкой добавил:

— Прости, братец, не со зла я. Хочешь, я найду тебе другую?

Чжоу Юй с наигранной вежливостью ответил:

— Благодарю за заботу, старший брат. Желаю тебе прыти дикого тигра, только смотри не сбеги с поля боя раньше времени.

Сунь Цэ помрачнел:

— Уж кому-кому, а тебе прекрасно известно, когда я бываю похож на тигра.

Чжоу Юй наконец потерял терпение, оттолкнул женщину в красном, уставился на Сунь Цэ и уже собирался разразиться бранью, как вдруг…

Помогу умыться.

Неожиданно появился хозяин Башни Любования Весной в сопровождении целой толпы слуг и девиц. С мрачным, землистым лицом он рявкнул на женщину в красном:

— Пион, марш сюда!

Бедная Пион в ужасе бросилась к хозяину.

Этого владельца звали Лю Е. После наставлений Лу Су ради успешного ведения дел он заключил сделку: в любое время в пределах Лияна, докуда еще не дотянулась прямая рука Армии Сунь, он был обязан по мере сил помогать и защищать Сунь Цэ и Чжоу Юя.

Услышав от слуг, что главная куртизанка Пион ввязалась в конфликт с двумя знатными господами, Лю Е лично явился на место и с ужасом обнаружил, что это были Сунь Цэ и Чжоу Юй. Что ему оставалось делать? Сперва Лю Е приглушенно отчитал Пион:

— Совсем распоясалась, хвост распустила, решила ронять достоинство дома? Проваливай на третий этаж!

Трясущаяся от страха Пион кубарем скатилась на третий этаж.

Дело в том, что Пион пользовалась статусом главной куртизанки именно потому, что продавала лишь искусство, а не тело. Многие клиенты платили огромные деньги только ради ее танца, не смея даже пальцем коснуться ее. А тут она вздумала спускаться вниз и вести себя как девица легкого поведения из дешевых борделей — Лю Е боялся, что это уронит ее цену и повредит бизнесу.

Приказав слугам увести остальных девиц успокаивать клиентов, Лю Е подошел к Сунь Цэ и Чжоу Юю и отвесил поклон:

— Прошу прощения за этот фарс, главнокомандующий, повелитель… — заметив грозный взгляд Сунь Цэ, велящий не проболтаться, Лю Е тут же исправился: — Э-э… господин Сунь… Мои люди сейчас же подадут карету, чтобы проводить вас в поместье.

Сунь Цэ отмахнулся:

— Не нужно, я приехал на коне.

Чжоу Юй тоже вежливо поклонился:

— Не беспокойтесь, хозяин Лю, оставьте формальности.

Лю Е почтительно ответил:

— Слушаюсь, слушаюсь, тогда не смею больше задерживать уважаемых господ.

С этими словами он благоразумно удалился, уведя за собой всю прислугу.

Сунь Цэ и Чжоу Юй окинули друг друга тяжелыми взглядами — оба по-прежнему не желали идти на примирение. Вдруг Сунь Цэ одним прыжком взлетел на перила балкона и издал громкий свист, подзывая коня. Его породистый скакун тут же примчался на зов прямо под балкон, где находился хозяин.

Бросив на Чжоу Юя косой взгляд, Сунь Цэ произнес:

— Господин Гунцзинь намерен остаться в Башне Любования Весной или соизволит вернуться со мной?

Чжоу Юй с вызовом бросил в ответ:

— Раз уж я решил остаться в столь прекрасном месте, зачем повелитель утруждал себя поиском?

Сунь Цэ нарочито протянул:

— Ох, ну раз так, мне придется возвращаться в одиночестве, наслаждаться музыкой и спать в обнимку с нежными артистками.

Услышав это, Чжоу Юй окончательно потерял самообладание. Забыв про всякие приличия, он сжав зубы выхватил меч и бросился на Сунь Цэ.

Сунь Цэ левой рукой легко отразил первый удар, а правой стремительно обхватил Чжоу Юя за пояс, притянул к себе и крепко прижал к груди. Чжоу Юй внезапно оказался лицом к лицу с Сунь Цэ, заглянув в его взметнувшиеся кверху уголки губ, и на секунду замер от неожиданности. Крепко удерживая его, Сунь Цэ сиганул с балкона вниз, и они идеально ровно приземлились в седло, вызвав восхищенные возгласы толпы зрителей.

Одной рукой Сунь Цэ защищал Чжоу Юя, а другой натянул поводья. Прозвучал низкий, бархатный приказ:

— Но!

Конь сорвался с места в галоп. Чжоу Юй, устроившись в седле и яростно сверкая глазами, в упор уставился на Сунь Цэ со злостью наотмашь.

Сунь Цэ изо всех сил сдерживал смех, сосредоточенно управляя конем. Доскакав до Резиденции префекта, он резко натянул поводья, спрыгнул сам, а затем с силой стащил вниз и Чжоу Юя. Находившиеся поблизости понятливые слуги тут же подбежали, чтобы забрать коня в стойло.

Затащив Чжоу Юя в комнату, Сунь Цэ уже собирался уходить, как услышал у себя за спиной исполненный гнева окрик:

— Почему Бофу вечно идет против меня?!

Сунь Цэ медленно обернулся, с плутовской улыбкой оглядел его и спустя паузу произвел:

— Разве не потому, что Гунцзинь отправился пить вино в Цветущие кварталы и не взял меня с собой?

Признаваться в собственной ревности он не собирался ни за что на свете. Чжоу Юй огляделся: во дворе всё еще подметали слуги, и затевать здесь публичную ссору означало сделать ее достоянием всего поместья Сунь. Понизив голос, он бросил:

— Хватит об этом, я иду мыться.

Сунь Цэ нахмурился:

— В такую стужу? Застудишь простуду.

Чжоу Юй презрительно скривил губы:

— Еще бы, от меня же разит дешевенькими духами.

Сунь Цэ приподнял бровь и с гордым победным видом произнес:

— Ну, кто бы говорил! Сам упился вином в борделе, лапал там девиц, а эта главная куртизанка вообще уселась на тебя верхом и обнимала за плечи! — Изначально он хотел лишь поддразнить его, но чем дальше говорил, тем сильнее в нем закипала горькая обида, доводящая легкие до спазмов. — Что, неужто ты и правда собирался предаться с ней плотским утехам прямо на месте?!

http://bllate.org/book/22340/2340635